

ла с длинным хоботком, которая не только в древние времена, но и сейчас является предметом экспорта.

Для более раннего периода автор приводит победную надпись правителя одной из областей, расположенных к югу от современного Закавказья, который в VIII в. до н. э. привел «не известных его отцу» пчел в свою страну из страны Хабха. Страна эта локализуется также к югу от современного Закавказья и была населена хурри-урартскими племенами. Анализируя данные археологии, в частности технику отливки металлических предметов по «восковой модели», А. И. Робакидзе приходит к выводу, что уже к III тысячелетию до н. э. были созданы условия для возникновения домашнего пчеловодства, так как развитие местной металлургической промышленности, которая нуждалась в систематическом поступлении воска, могло быть обеспечено лишь организованной формой пчеловодства.

Грузинский историко-этнографический материал показывает, что пчеловодство как отрасль хозяйственной деятельности грузин возникло в древнейшую эпоху и прочно вошло в быт грузинского народа. Свидетельством этого, наряду с другими данными, является пережиточно сохранившийся в быту грузин обычай выделения жертвенного улья. Способ получения меда и воска из этого улья — самый примитивный, относящийся еще к периоду первобытно-общинного строя. На древность пчеловодства указывает и связь некоторых архаических черт добычи меда и воска с древнейшими элементами скотоводства и земледелия грузин, а также ряд таких древнегрузинских культов, как культ земли, воды и дерева.

Для этнографа особый интерес представляет материал, на котором рассматриваются формы использования продуктов пчеловодства как в семейном быту, так и в различных отраслях ремесленного производства.

Считая, что монография А. И. Робакидзе «К истории пчеловодства» является ценным вкладом в нашу этнографическую литературу, мы не можем не отметить некоторые вопросы, нуждающиеся, по нашему мнению, в более подробном освещении.

Так, автором не приводятся материалы С. И. Макалатия по этнографии Грузии, интересные с точки зрения вопросов, затрагиваемых в рецензируемой работе.

Следовало шире использовать хорошо известный А. И. Робакидзе аджарский этнографический материал, который подкрепляет его положение о большом разнообразии форм пчеловодства в Грузии.

Привлечение данных ономастики дало бы автору возможность ввести в круг исследований новые исторические источники для подтверждения своих выводов.

Т. Чиковани

Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. I. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXIII, 1960, 255 стр.

Настоящим выпуском Трудов, судя по заявлению его редакции, начинается публикация основных материалов, собранных в течение ряда лет Мордовской этнографической экспедицией. Всего намечено четыре выпуска, в которых предполагается всесторонне осветить основные вопросы этнической истории мордовского народа. Такая публикация представляет большой интерес уже потому, что восполняет существенный пробел, имеющийся в характеристике историко-этнографической области Среднего Поволжья. Прикамья и Приуралья. Культура коренных народов этой области создавалась в условиях их длительной совместной жизни и тесного соприкосновения с русским населением, появившимся здесь много веков назад. В последние десятилетия написаны солидные труды по этнографии татар, башкир, чувашей, коми, частично удмуртов и марий, включающие материалы о происхождении народов, их хозяйстве и материальной культуре. Отсутствие подобных работ по мордве и русскому населению края (имеются лишь отдельные статьи) делает публикацию трудов Мордовской этнографической экспедиции вполне обоснованной и своевременной.

В рецензируемый первый выпуск вошли работы более общего характера: о расселении мордовского народа, его происхождении, языках, антропологических типах, а также статьи об отдельных этнографических группах мордвы — каратаях и теньгушевской мордвы-эрзи в связи с их происхождением.

Первая статья — «Расселение мордвы» (автор В. И. Козлов) содержит весьма солидное исследование о расселении мордвы в различные исторические периоды; где возможно — приведены демографические сведения. Автор тщательно собрал все данные о расселении мордвы до середины XVI в. Вкратце изложив теории о происхождении мордовского народа, он подробно остановился на взаимоотношениях мордвы с русскими, а после монголо-татарского нашествия и с татарами, показывая, как повлияли эти отношения не только на быт и экономику мордвы, но и на ее расселение.

Совершенно правильно оценив стремление золотоординского правительства поселить своих феодалов на мордовских, преимущественно мокшанских, землях, бывших северной границей собственно ордынских владений и русских княжеств, автор несколько преувеличил роль Казанского ханства в расселении татар. Ведь к моменту создания

Казанского ханства (середина XV в.) ордынские мурзы уже сидели на мордовских землях. После падения Золотой Орды они перешли на службу к Московскому государству, которое охотно расселяло их на своих границах с Казанским ханством (возьмем хотя бы прием, оказанный царевичу Касиму). Именно в этот период к имеющимся группам темниковских, нарвчатских, кадомских и других татар прибавились вновь возникшие арзамасская и курмышская группы. Конечно, связи между Казанским ханством и осевшими на мордовских землях ордынскими мурзами были, но последние все же в массе служили Москве, а не Казани. Характерно, что во время похода 1552 г., окончившегося взятием Казани, значительная часть кавалерии Ивана IV состояла из татар (получивших позднее название мишарей), ими командовал касимовский хан Шах-Али (Шигаей), служивший интересам Москвы. Таким образом, начиная с периода падения Золотой Орды, в заселении мордовских земель ордынскими (ногайскими) татарами большую роль играла Москва, а не Казань.

Интересен раздел о миграциях мордвы в период с середины XVI в. (после ее полного вхождения в состав России) до середины XIX в. и приведенные статистические данные. Автор справедливо называет помещицую колонизацию старых мордовских земель одной из главных причин переселения мордвы дальше на восток и отчасти на юг, сначала на правобережье Волги, а затем и в Заволжье, вплоть до башкирских земель Приуралья. Он приводит интересные данные о численности и расселении мордвы перед отменой крепостного права.

Специальный раздел статьи посвящен миграциям мордвы в период развития капитализма, когда проникновение в мордовскую деревню товарно-денежных отношений, расстройство крестьянства вызывали переселения мордвы еще далее на восток, в том числе в Сибирь.

Автор подробно останавливается и на миграциях мордвы в первые годы Советской власти, отмечает внимание, уделяемое переселенческому вопросу Советским правительством.

Постановлением Совета Труда и Оборона от 17 октября 1924 г. было установлено общегосударственное значение переселений, направленных на «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны...». После выхода в свет этого постановления, — пишет В. И. Козлов, — переселения в Советском Союзе стали коренным образом отличаться от дореволюционных. Государство значительно увеличило помощь переселенцам, всячески облегчая их устройство на новом месте. Индивидуальные переселения сменились коллективными. Значительные изменения, происшедшие в результате миграции в расселении мордовского народа, автор показал на анализе данных переписи 1926 г. Заканчивается статья рассмотрением некоторых вопросов национального строительства в мордовской автономии.

Работа В. И. Козлова снабжена многочисленными, весьма убедительными таблицами, а также картами, отражающими расселение мордвы с древнейших времен до настоящего времени.

О несомненно интересной статье А. П. Феоктистова «Мордовские языки и их диалекты» мне, как не языковеду, судить трудно. Остановлюсь лишь на вопросе о заимствованиях мордовскими языками слов тюркского происхождения. Автор отмечает, что тюркских заимствований больше в языке мокши, и объясняет это тем, что «мокшане более продолжительное время находились в непосредственном соседстве и контакте с татарами» (стр. 69). Эти выводы лингвиста еще раз подкрепляют наши замечания по предыдущей статье о том, что не Казанское ханство посадило татарское население на мордовских землях; это было сделано еще Золотой Ордой и позднее поддержано московским правительством.

Обе антропологические статьи «Краниологическая характеристика мордвы-эрзи» (автор М. С. Акимова) и «Этническая антропология мордвы» (автор К. Ю. Марк), особенно последняя, опирающиеся на значительный и тщательно собранный материал, содержат выводы о смешанном антропологическом типе мордвы, с некоторым преобладанием светлого европеоидного у эрзи и темного понтийского типа у мокши, несомненно более тесно общавшейся с населением территории Причерноморья и Северного Кавказа. Отмечается также наличие некоторой монголоидности, пришедшей к населению Европы двумя путями — северным, что мы видим у финно-угорских, и южным — у тюркских племен и народов. Обе статьи вносят известную ясность в вопрос о физическом типе мордовского народа.

Значительный интерес представляет статья Б. А. Васильева «Проблема буртасов и мордва», особенно ее вторая часть, касающаяся этногенеза мишарей. В первом разделе статьи автор дает большую историографическую сводку, посвященную мордовско-буртасской проблеме. Рассмотрев взгляды многочисленных авторов по данному вопросу, Б. А. Васильев решительно утверждает, что буртасы никак не могли быть предками той или иной группы мордвы. Он приводит веские доказательства того, что буртасы не являются предками мордвы-мокши. Однако отрицать полностью какую-то примесь буртасов в составе мордвы весьма трудно. Более убедительно звучат аргументы автора, опирающегося на многочисленные достоверные источники, о том, что буртасы были степняками-кочевниками с одним из языков тюркской системы. Обосновав это положение, Б. А. Васильев приходит к выводу, что буртасы, по крайней мере часть их, продвинувшаяся под давлением хазар, печенегов, затем половцев к северу в лесостеп-

ную и даже лесную зону так называемой Мещерской низменности, приняли участие, наравне с тюркизированными маджарами (мажары), в формировании тюркоязычной народности мишарей.

Вопрос о происхождении второй группы поволжских татар — татар-мишарей, — а не подразделения казанских татар, как подчеркивает автор (стр. 207), разработан слабо. Б. А. Васильев выделяет в истории мишарей два периода: первый — с завоевания их кипчаками, второй период — XIV—XVII вв. Второй в основном ясен. В XIV—XVI вв. идет формирование обеих групп татар Среднего Поволжья — казанских (на базе древних болгар и ассимилированных ими соседей с той или иной, возможно весьма значительной, примесью кипчаков, которые стали основным населением Золотой Орды и получили наименование «татары») и татар-мишарей (из поселяемых на старых мордовских и мещерских землях ордынских мурз с их вооруженными силами, тесно сблизившихся с более древним тюркоязычным населением этих мест и принявших его имя мещеряков, или мишарей).

Б. А. Васильев во второй части своей статьи несколько проясняет (но не решает) вопрос о древнем этническом слое современных татар-мишарей, которые сформировались на указанной территории, а позднее расселились гораздо шире, вплоть до западных районов Приуралья. Карта расселения современных татар-мишарей на древней мещерской земле с указанием мещерских городов, впоследствии центров татар-мишарей, очень интересна, хотя и требует ряда дополнений в южной, преимущественно заповольжской, части.

В целом статья Б. А. Васильева дает ценные материалы для решения давнишнего и весьма запутанного спора о буртасах, мажарах, татарах-мишарях.

Статьей о буртаско-мордовско-мишарской проблеме заканчиваются в сборнике работы, касающиеся мордвы в целом. Две последние статьи рассматривают происхождение и бытовые особенности небольших этнографических групп мордвы.

Статья В. П. Ежовой посвящена оригинальной локальной группе мордвы Теньгушевского района — мордв-эрзи, подвергшейся значительному влиянию мордвы-мокси. Автор довольно подробно характеризует исторические условия, в которых произошли отрыв группы мордвы-эрзи от основного массива эрзи и передвижение ее в районы обитания мордвы-мокси. Далее автор, в плане сравнительного анализа эрзянских и мокшанских черт, рассматривает быт мордвы-эрзи, дает подробное описание одежды, головных уборов, украшений, жилища, старинной техники сельского хозяйства, а также некоторых обычаев свадебного цикла. Отмечается в статье тесная связь теньгушевской мордвы с русским населением, в среде которого она оказалась, и большое культурное влияние русских. В целом статья весьма интересна как хорошо и на большом материале составленный очерк быта данной группы мордвы.

Статья В. Н. Белицер является первым глубоким исследованием этнографической группы мордвы-каратаев. До сих пор авторы, писавшие о каратаях, уделяли внимание главным образом проблеме их происхождения. В работе В. Н. Белицер мы находим подробное описание старого и современного быта каратаев, их материальной и духовной культуры.

Касаясь проблемы этногенеза, автор приводит высказывания ряда исследователей, начиная с И. И. Лепехина, рассматривавших каратаев то как отатаренную мордву, то как крещеных татар, подвергшихся влиянию мордвы. Большинство авторов признавало мордовское происхождение каратаев.

К этому можно добавить, что и само население, например крещеные татары д. Ташкирмень, расположенной на левобережье Волги в месте ее слияния с Камой, считают себя по происхождению мордвой — родственниками каратаев. При раскопках могильника XVII в. около д. Ташкирмень обнаружена могила с мордовским ритуальным погребением. Подобные же следы мордовских захоронений найдены и севернее — в могильнике у с. Карташихи и в Казани около памятника павшим воинам¹. Таким образом, мордовское население, родственное каратаям, прослеживается на левобережье Волги от устья Камы до Казани. Переселилась ли мордва на правый берег с левобережья, как считает Н. Ф. Калинин, или наоборот, сказать невозможно, но наличие отатаренной мордвы установлено на обоих берегах. Интересные сведения о мордв-каратаях сообщил мне известный мордовский ученый М. Е. Евсеев. В конце прошлого века, когда он посещал их, они, наравне с татарским, знали мордовский язык и объясняли это так: «мы дома мордва», т. е. говорим по-мордовски, а «на улице татары». В 1927 г., когда я приехал в Мордовские Каратаи, жители уже и дома говорили по-татарски, но рассказали мне, что девушка перед свадьбой причитает «на неизвестном ей языке» — по-мордовски. Себя они называли мухша и прибавляли, что у них имеются родственники в Ташкирмене. Таким образом, каратаи — это локальная группа мордовского народа, значительно отатарившаяся, так что некоторая часть ее стала называть себя татарами, а поскольку они были христианами, то крещеными.

Статья В. Н. Белицер снабжена многочисленными, в том числе и цветными, рисунками.

Сборник написан на высоком научном уровне и намного увеличивает наши знания о мордовском народе, а также соседнем населении Волго-Камья.

Н. Воробьев

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, Итоги археологических работ за 1945—1952 гг., Труды Казанского филиала АН СССР, серия исторических наук, Казань, 1954, стр. 62.